

— Почему Вы выбрали именно скрипку, а не какой-либо другой инструмент?

— Это получилось абсолютно случайно, мои родители не имели никакого отношения к музыке. Я родилась в Казани, в простой семье. В нашем роду у всех были математические способности, и у меня в том числе. И если бы я не стала музыкантом, то, наверное, была бы математиком.

Мой дядя, которого очень уважали в семье, был профессором математики Авиационного института. И он авторитетно говорил моей маме, что ребенка обязательно нужно учить музыке. Меня отдали в музыкальную школу учиться, как тогда говорили, «на пианино». Сначала никакого инструмента у меня не было, я просто начала знакомиться с нотной грамотой.

Тут в школу пришла новый педагог Раиса Сергеевна Герман. Эта молодая, много пережившая женщина маленького роста с необыкновенно красивыми глазами, в юности училась в Петербурге у знаменитого Л. Ауэра (за ней когда-то ухаживал Прокофьев). У нее был красивый звук, но техническая сторона сильно страдала. Раиса Сергеевна посмотрела мои руки и стала уговаривать учиться на скрипке. Мама сначала сопротивлялась, но ей сказали, что пианино купить трудно, оно очень дорогое, а скрипка в магазине стоит дешево. Так я стала учиться играть на скрипке и как-то сразу начала делать успехи. Раиса Сергеевна научила меня любить музыку. Мне нравилось играть на сцене, у меня была музыкальность и бешеный темперамент. Помню, в последнем классе я играла первую часть Второго концерта Венявского — по-моему, плохо, но очень музыкально.

Наша музыкальная школа в Казани была фантастической. Ее основателем и директором являлся известный музыкально-общественный деятель Рувим Львович Поляков, который в молодости был тесно связан с другом П.И. Чайковского, музыкальным критиком Н.Д. Кашкиным, проведшим последние годы жизни в Казани; они вместе создавали систему музыкального образования в этом городе. Поляков организовывал для нас концерты в училище, в консерватории, в театре. Мне школа казалась огромной, с большим залом, а на самом деле это был одноэтажный деревянный дом. Теперь у нее новое здание. Я до сих пор часто туда заезжаю, выступаю с концертами. Там висят мои фотографии, а у меня — фотографии педагогов казанской школы.

После шестого класса меня возили в Москву и показали Абраму Ильичу Ямпольскому. Но он сказал, что взять меня к себе не может, потому что уже старый (и действительно, он через год умер), и рекомендовал обратиться или к Юрию Исаевичу Янкелевичу, или к Борису Владимировичу Беленькому. И вот в 14 лет я приехала из Казани и поступила в ЦМШ. Слава Богу, Янкелевич меня принял в свой класс. Мне очень повезло: я занималась у великого педагога 12 лет (четыре года в школе, пять в консерватории и три года в аспирантуре), потом работала его ассистентом — то есть училась у него до самой его смерти.

Со мной заниматься было очень сложно, я, к сожалению, плохо «поддавалась», часто не могла понять, что со мной делают и зачем. Янкелевич мучился со мной все годы учебы в школе. Я не смогла переставить руки как следует, и даже в консерватории возникали проблемы. Юрий Исаевич удивлялся: «Вроде все штрихи получаются, а руки плохие, у меня никак не получается их переставить». Помню, как моя первая ученица сыграла мне Моцарта, а я подумала: «Боже, я так не сыграю, что же ей сказать?» И только потом постепенно все встало на свои места. Янкелевич доверил мне учеников, вероятно, потому, что я человек организованный и добросовестный.

— Что важно для успешной педагогической деятельности?

— Педагогу нужно занудство, умение добиться чего-то и не смотреть при этом на время. Юрий Исаевич занимался каждый день, без праздников и выходных. Был такой диалог: «Завтра придешь в девять утра». — «Но ведь завтра седьмое ноября! Праздник». — «Вот и хорошо, приходи к девяти, потому что в 10 у меня уже Витя, в 11 Володя, в 12...». Тогда у него было около 30 учеников, и все — солисты, потрясающие скрипачи: Витя Третьяков, Володя Спиваков, Лида Дубровская, Гриша Жислин, Нелли Школьников, Зарик Саакянц, Женя Смирнов... Юрий Исаевич начал готовить меня к конкурсу, когда я училась на третьем курсе.

2 ноября свой день рождения отметила знаменитая скрипачка и педагог Ирина Бочкова. Свыше 40 лет она активно концертирует, почти столько же преподает в Московской консерватории, воспитала множество скрипачей, лауреатов международных конкурсов. Среди ее учеников — Анастасия Чеботарева, Граф Муржа, Родион Замуруев, Александр Тростянский, Елена Ревич. Сейчас в классе профессора занимаются 18 человек.

С Ириной Васильевной беседует Ада АЙНБИНДЕР.

Ирина БОЧКОВА: «Стараюсь хорошо делать свое дело»

Муз. обозрение — 2003. — № 11 (ноябрь). — с. 7

Меня поселили в Рузе, в Доме творчества композиторов. В первый же день около столовой я увидела стол и спросила, что это такое. Выяснилось, что это пинг-понг, и я стала учиться играть... Через полтора месяца Янкелевич с диким скандалом вывел меня оттуда. На четвертом курсе я играла на Всероссийском конкурсе, потом на Всесоюзном — и получила первую премию. На пятом курсе начала готовиться к конкурсу Чайковского. На время подготовки участников поселили в Серебряном бору. Первым делом Янкелевич проверил, есть ли там пинг-понг. Его не было, но я все-таки стол нашла... Но потом все занесло снегом, играть в пинг-понг было нельзя.

На Конкурсе Чайковского в 1962 году я получила вторую премию, а следом — первую премию на конкурсе Жака Тибо в Париже. Потом у меня начались гастроли, и все свои программы я всегда играла Юрию Исаевичу. А теперь мои ученики показывают мне перед ответственными выступлениями, я прихожу на их репетиции, концерты, очень часто записываю...

Когда я начала преподавать, то почувствовала недостатки своих рук. А мне нужно было переставлять плохие руки у студентов. И вот сложилась ситуация, что с музыкальной точки зрения я могла ученикам что-то сказать, а как привести в порядок их руки, не знала. Тогда мне очень помогла бывшая ученица Янкелевича Евгения Алексеевна Чугаева. Я ходила к ней в класс, сидела на занятиях. У всех ее учеников был красивый звук, легкий смычок. Я смотрела, что они делают, думала, мучилась, ночи не спала... И постепенно, уже после смерти Юрия Исаевича, будучи концертирующей скрипачкой и педагогом, я сама переставляла себе руки. С тех пор учусь сама и учу других на собственном опыте.

— Как Вам удается столь удачно совмещать исполнительскую и педагогическую деятельность?

— Это физически трудно, потому что я стараюсь заниматься каждый день, с утра (где-то с девяти до двух часов), а на вторую половину дня назначаю учеников. Но, вообще, одно другому помогает: до сих пор я что-то меняю в трактовках, ищу звук, приемы игры на скрипке... Я стараюсь не мудрить, пытаюсь понять, что хотел сказать композитор. Этому же учу и студентов.

Моя добросовестность помешала мне в концертной деятельности. Я отказывалась от всех поездок, длившихся более десяти дней. Сейчас учу много новых программ. Хотя скрипичная литература в несколько раз беднее фортепианной, я за свою жизнь не сыграю все, что написано для скрипки, есть что поучить.

Я люблю монографические программы, и очень много их играла. Например, исполняла практически все скрипичные сочинения Прокофьева, Равеля, Корелли, Баха. Играла два концерта из произведений Телемана, у него очень интересные сочинения для скрипки соло; также — для двух и для четырех скрипок соло, трио-сонаты, сонаты для скрипки и фортепиано, концерты для скрипки и виолончели, канонические сонаты для двух скрипок... Несколько программ были посвящены Моцарту: дуэты с альтом, Adagio, Rondo, сонаты, трио, квартет с фортепиано...

— Какие стили Вам наиболее близки?

— Раньше я учила много сочинений, которые мне заказывали. Через пару месяцев иногда выяснялось, что это не совсем «моя» музыка. Сейчас играю только то, что мне близко. Например, я очень люблю французскую музыку. Исполняю Дебюсси, Франка, Шоссона, Сен-Санса и Равеля, сонаты Пуленка, Форе. В прошлом году я играла программу, состоящую из сочинений Брамса, — в частности, звучали две альтернативные сонаты, которые написаны и для скрипки тоже (это один из последних опусов, очень глубокая музыка), танцы и скерцо. Два сезона назад я представила вариации для скрипки, в программу вошли Чаконна Баха, Вариации Корелли, Моцарта, Шуберта, Хиндемита, Мессиана и «Пляска ведьм» Паганини и Купковича. Я люблю концерты Прокофьева, Бориса Чайковского, Стравинского, Брамса (в том числе, и Двойной).

— Встречи с какими людьми Вы можете назвать важными в своей жизни?

— Прежде всего, это мои учителя. Это и мои коллеги, ученики Янкелевича. Еще — замечательные пианистки, с которыми я играла и которые мне очень помогли: Белла Львовна Ракова, Марина Гусак (для меня ее отъезд за границу стал настоящей трагедией, потому что с ней был подготовлен огромный репертуар), Анна Наумовна Левина. Почти 10 лет я выступала с Егором Чугаевым, сыном Евгении Алексеевны. А затем стала играть с Галиной Ширинской. И, по-моему, лучшей пианисткой у меня не было, она великолепный музыкант, прекрасный человек.

После конкурса Чайковского я много играла с К.П. Кондрашиным. Это мой любимый дирижер, он очень много значил в моей жизни. Мне страшно повезло, что

все скрипичные концерты я играла с ним. Нередко Кирилл Петрович заказывал мне определенные сочинения. «Для него» я учила Первый концерт Бартока (буквально несколько дней назад в Нижнем Новгороде сыграла его после долгого перерыва), концерт Б. Чайковского... С ним я дружила как с человеком, мы слушали музыку, читали вслух Булгакова, когда его сочинения еще не были изданы.

Я тесно общалась с Натаном Рахлиным, который в последние годы своей жизни работал в Казани. Я — одна из немногих солистов, любивших с ним играть, потому что у нас совпадало видение музыки. А если солист не очень убедительно исполнял, то Рахлин дирижировал свою трактовку, и не всегда было удобно играть. Я же всю жизнь занимаюсь тем, что «убираю лишнее»: очень просто играю.

Мне повезло: я играла с великим Пабло Казальсом. Это было в Праге, на границе с Испанией. Незабываемы две репетиции, концерт, общение. В первом отделении я играла соло и страшно волновалась. Казальс сидел позади меня и вслух комментировал на разных языках: «Ой, очень хорошо звучит, какая фраза красивая!»... Он сначала показался таким старым, древним (ему было девяносто лет) — когда его привели, я подумала, что играть он не сможет. Но принесли виолончель, дали ему в руки. Вдруг Казальс начал в диком темпе играть арпеджио, очень сильно, со стуком ставя пальцы на гриф. У него почти не было вибрации, но это было незаметно, настолько свободной была правая рука.

В нотах он не делал никаких пометок, поскольку каждый раз играл по-другому. На нашей первой репетиции, помню, мы играли все медленно и основательно. На второй репетиции Казальс был очень веселый, и было все в быстром темпе, в другом характере. А на концерте исполняли в среднем темпе — каждый раз он играл совершенно другими штрихами...

— Каковы Ваши художественные интересы?

— Мне, кстати, нравятся детективы, я беру их с собой в поездки. Очень люблю живопись: импрессионистов, постимпрессионистов, Гойю, Рембрандта, Брейгеля... В литературе — Булгакова, Гоголя, Достоевского. И сейчас есть интересные писатели, с удовольствием читаю Татьяну Толстую, Мураками. Люблю мемуарную литературу, воспоминания. А еще люблю спорт: бегать, плавать.

— Ваш жизненный девиз?

— Стараюсь хорошо делать свое дело. Я должна пережить каждую ноту, чтобы играть произведение. Стараюсь добросовестно заниматься с учениками. Если они ко мне поступили, я почти никогда не могу их выгнать. И когда что-то у них не получается, мне кажется, что это я виновата: не смогла вдохновить, настроить... Постоянно думаю, как помочь, что для этого нужно сделать. И — всегда рада успехам учеников.

СЕЗОН 2003/04

МОСКОВСКИЕ КОНЦЕРТЫ. 5 ноября Ирина Васильевна выступила в Малом зале консерватории, представила программу французской музыки: Дебюсси, Франк, Шоссон, Равель. 12 февраля в МЗК студенты класса И. Бочковой исполняют церковные сонаты Моцарта для двух скрипок с органом (партия органа — Л. Шишханова). 14 марта в Концертном зале им. Чайковского в исполнении скрипачки прозвучит Концерт Сибелиуса (дирижер С. Скрипка). 11 мая в Большом зале консерватории прозвучат два Двойных и Тройных концерта Баха. В вечере участвует Камерный оркестр «Солисты Москвы». Концерты исполняют концертмейстеры оркестра Е. Ревич и С. Якович, а также А. Тростянский и Г. Муржа.

ГАСТРОЛИ. В этом сезоне И. Бочкова сыграет в Нижнем Новгороде, Сургуте, Ярославле, Сочи, Казани (с Камерным оркестром «La Primavera» под руководством бывшего ученика Р. Абязова), Краснодаре (с Камерным оркестром, которым также руководит бывший ученик А. Сидоренко), Уфе, Красноярске, Калининграде, Магнитогорске, Саратове... Липецк и Тверь профессор посетит со своим классом.

Предстоят концерты во Франции и Швейцарии, а также запись компакт-диска, в программу которого войдут Соната Франка и восемь поэм швейцарского композитора Марка Брике.

РЕПЕРТУАР нынешнего сезона. Французская музыка, программа «Вариации в скрипичной музыке», Пять пьес Чайковского, Поэма Шоссона (с оркестром), Десять сонат Бетховена (в трех вечерах), концерты Сибелиуса, Прокофьева (№ 1), Бартока (№ 1), Брамса (Двойной, с М. Тарасовой), Шнитке (№ 3), Гайдна (Концерт для скрипки и органа) и другие сочинения.

Бочкова Ирина Васильевна (ИМ) 11.03 (ноябрь)